

Гуманитарные универсалии в современном культурном пространстве

Н.В. Бойко (Харьков)

В процессе осмысления духовно-мировоззренческих, культурных, словесно-творческих периодов во временном континууме Бытия возникает большая методологическая проблема, связанная с характером и способом исследования объекта. Фетишизация таксономического метода, широко распространённая в научном сознании, оборачивается ограничением исследовательской мысли пределами, устанавливающими объём названного понятия, которое приобретает самодостаточный характер. Исследовательская парадигма развивается и разветвляется в коконе уже устоявшейся культурно-научной номинации, не претендуя на выход в другое мыслительное пространство. В этом смысле можно рассматривать и философско-теоретический ряд модернизм – постмодернизм – пост-постмодернизм с его широкой гуманитарной исследовательской специализацией. Поэтому актуальным представляется осмысление универсальных гуманитарных категорий, связывающих мысль и Бытие в творческое единство.

Мысль может иметь непреходящий характер – безусловность и достоверность вне времени. Это делает возможным приложимость её к новым жизненным контекстам. Определённый смысловой акцент, который в том или ином мыслительном контексте включается в новую концептуальную связь, актуализируется аттракционным способом. Так, например, мысль Р. Декарта «... не искать никакой науки, кроме той, какую можно найти в себе самом» [4, с.2] может сопрягаться с разными гуманитарными концепциями современности, осмысливающими личность и Бытие в их жизнеобразующих связях.

В первую очередь, очевидна связь этой мысли, дуалистически организованной противоположными принципами эвристического и накопительного знания, с сущностью научного сознания и научного дискурса. Эвристичность утверждает

безусловную ценность личности, ее мыслетворческого и жизнеобразующего потенциала, в процессе реализации которого могут возникать уникальные творческие мыслительные или художественные феномены. В основе таких феноменов лежит субъективность как созидательная деятельность, они объединяются личностным первородным осмыслением жизни, идущим от столь же личностного понимания природы явлений, происходящего без видимого влияния культурно-психологических стереотипов. Другой принцип определяет суть эрудиции, вторичной по источнику формирования мысли и жизненного опыта, идущей от чужой мысли, чужого знания, пусть даже общечеловеческого, общепринятого. Мысль в этом случае формируется в контексте чужих авторитарных концепций, значимых имён, одна только причастность к которым обеспечивает её ценность в общественном сознании. Этот принцип работает в культурном срезе общественной инфраструктуры, где «вторичное» и «чужое» представляют феноменологическую сущность продуктов человеческой деятельности. Разумеется, такая методологическая оппозиция представляет самую общую схему мыслительной деятельности Личности на уровне её отношений со знанием и культурой. Природа мыслительного и творческого процесса сочетает в себе и эвристичность, и эрудицию – взаимоисключающие, на первый взгляд, понятия.

Уточняющая мысль снимает оппозицию такого противопоставления: «Это верно, что «душа вычисляет, сама того не ведая» (Лейбниц), однако при более пристальном взгляде на «математические» эти механизмы выясняется, что всё же ... ведаёт – не явно, но тайно. Здесь имеется в виду так называемая криптогноза – знание, скрытое от своего носителя, гигантские отложения жизненного опыта, приглядок, прикидок, «горестных» и всяких иных «замет». Таким образом, нередко случается, что мы чего-то не знаем, но что-то знает в нас. Речь идёт о знании не эмпирическом, но, скорее, экзистенциальном, захватывающем всего человека. Знание «всем человеком» – это опыт внутренний, и эрудиция – лишь

один из питающих его корней» [2, с. 17]. Эта мысль, с одной стороны, актуализирует экзистенциальность мыслительного творческого пространства, «личностность» образующих его параметров, самодостаточных вне социально-культурных значимостей, а с другой, – открывает новый взгляд на жизнь человека в культурно-текстовом пространстве, на взаимодействие с феноменом знания как источником созидательного опыта человека. В этом контексте, наверное, самой значимой составляющей «чужого» опыта как присвоенного знания – значимой и по содержанию, и по словесно-эстетической выраженности этого содержания – есть художественная литература, которой современная философская мысль придаёт статус своего рода глобальной теории познания, исследующей язык, бессознательное, религию, общество, вообще жизнь.

Представления о смысле связей человека с художественной литературой, существующие в общественном сознании, выглядят в самом общем виде определёнными и как бы общеизвестными. Эти представления разделяются на противоположные типы: 1) вульгарно-социологический, вульгарно-идеологический, декларативный, императивный и 2) элитарно-эстетский, предполагающий понимание высокого смысла художественного творчества. Но эти два типа, несмотря на, казалось бы, очевидную разность, конвергентны. Они смыкаются в позитивистской точке завершенности такого контакта в акте понимания текста. Презумпция непознаваемости художественного текста не выводится на уровень аргументации, размыкаясь в концепцию множественности смыслов художественного произведения, связанную не столько с самим текстом, сколько с его восприятием (Кант – Гегель – Шеллинг – В. Гумбольдт – Потебня – Ингарден – Бахтин).

И первый, и второй концептуальный тип формируется и проявляется (и мыслительно, и словесно) в модусе долженствования, направленном на формирование культурного сознания. Модус «так должно» принципиально исключает мыслительный подход к самой главной гуманитарной проблеме –

проблеме восприятия художественного текста, оставляя её рассмотрение на уровне публицистических дискуссий. Эти дискуссии могут быть примером принципиальной разницы между публицистическим и научным дискурсами как поверхностным видением и глубинным пониманием определённого фрагмента действительности. Более того, словесное выражение мыслительного содержания, организованное в соответствии с ценностными категориями своего времени, может мистически соответствовать предметно-понятийной реальности другого жизненного контекста.

Так, например, цитируемая далее мысль В. Гумбольдта (1796г.) воспринимается, как вполне современное суждение: «Но когда всё окружающее нас теряет устойчивость, надёжное убежище остаётся только внутри нас, и с тех пор, как в одной из самых важных и развитых частей света произошла фактическая переориентация всех отношений, остаётся неясным, в какой мере они сохранили стабильность в других местах, тем более, что в наш философский век эта переориентация выглядит как нечто единственно правомерное, абсолютно и морально необходимое» [3, с. 337]. Очевидно, в рассмотренных философских фрагментах (Р. Декарт, В. Гумбольдт) заключён вневременной мыслительный потенциал: в них осмысливается личность – основная категория Бытия – в её связях с культурно-цивилизационными структурами окружающего мира, которые основываются на вневременных универсалиях, организующих человеческую жизнь.

Научное сознание пытается осмыслить универсальную природу гуманитарной картины мира. Личностный смысл, определяющий отношение Я к окружающему Миру, связывает в одну научную парадигму и методологические категории (субъективность – объективность – точность – фикциональность), и феноменологические – (архетип – дискурс – текст – диалог – аттракция -- интертекстуальность). Эта универсальная понятийно-категориальная сетка даёт возможность осмыслить природу связей Личности и окружающего её духовно-

культурно-социального Мира. В ряду этих универсалий интертекстуальность замечательна своей очевидностью, словесной реальностью, доступной для узнавания и понимания на разных уровнях человеческого сознания – от обыденного до научного. Эта категория определяет характер культурного пространства, уровень генетической памяти общественного сознания, обеспечивающий связи Человека с текстовым богатством Мира: вступая в большой диалог с культурой, человек ищет мыслительной, эмоциональной, словесной поддержки в осознании своей самодостаточности через причастность к безусловно значимому и общепризнанному – «чужому» тексту.

Современное коммуникативное пространство утрачивает духовно-культурные составляющие элитарного порядка (в первую очередь, классическую литературу), которые были стержнем нравственного, духовного, эстетического сознания на протяжении предыдущих (XIX–XX) веков. Литературная доктрина в культурной ситуации того времени предполагала духовное напряжение и активную мыслительную работу Человека. Восприятие литературного текста было связано с переживанием катарсиса, высочайшего накала эмоционального и интеллектуального напряжения. Такое восприятие текста было принято в модусе со-переживания, со-страдания, в модусе интеллектуальной интерпретации, то есть перевода художественного дискурса в научные смыслы соответствующих (доступных интерпретатору) парадигм. Фактор работы, усилия (духовного, нравственного, интеллектуального, чувственного) и безусловного обязательства перед высоким долгом Бытия – (Душа обязана трудиться! – Н.А. Заболоцкий) – таким был определяющий принцип литературной доктрины с её презумпциями культурного сознания.

На смену литературоцентричной субъективности, обеспечивающей связь человека с литературой, приходят новые эрзацсоставляющие массовой культуры. Воплощенные в распространённых жанрах СМИ – реклама, анекдот, рецепт, кроссворд, гороскоп, они формируют текстовый массив чтения современного

человека. Эти жанры-заменители связаны с различными формами современного общественного сознания и различными дискурсивными практиками.¹ Угасающая и уже почти угасшая в современном культурном общественном сознании элитарная литературная интертекстуальность уступает свою культурную и семиотическую роль (литературоцентричность) новым культурно-текстовым связям, по-разному проявляющимся в разных дискурсивных практиках.

В научном осмыслении интертекстуальности, кажется, существует определённый переко́с в сторону утверждения постмодернистской природы данной категории. С лёгкой руки Ю. Кристевой, которая ввела этот термин в научный обиход (1967 г.), он стал «не только инструментом анализа литературного текста или описания специфики существования литературы, но и для определения того миро- и самоощущения современного человека, которое получило название постмодернистской чувствительности» [6]. Если понятие постмодернистской чувствительности рассматривать вне метаязыковых непрямых абберраций смысла и понимать его в прямом языковом значении, то оно входит в противоречие с современной жизненной ситуацией. «Чувствительность» в силу

¹ Так, реклама в её когнитивных, прагматических и эстетических аспектах обнаруживает связи с фикциональным дискурсом, определяющим отношения человека с миром. Эти отношения устанавливаются на основе этического конфликта или признания лжи как принципа организации жизни. В свою очередь, анекдот в поэтическом смысле представляет собою жанр непрямого повествования. Этот жанр обращён к утончённой сфере умственной и чувственной жизни человека. Он актуализирует мыслительные и языковые возможности читателя в восприятии несистемных, немодельных связей смысла и формы в их смещённом по отношению к нормативной модели мира изложении. Рецепт как жанр, напротив, актуализирует связи с обыденным дискурсом в его познавательных и практических установках. Кроссворд в этой жанровой парадигме проявляет, с одной стороны, особенности современного культурного сознания, разорванного и коллажного, которое размыкается в виртуальные миры человеческой жизни. С другой, – это своеобразный заменитель культурно-научного пространства, которое всё-таки необходимо читателю с соответствующими потребностями и возможностями, пытающемуся включиться в интеллектуальное и культурное знание, пусть даже и в его псевдоэнциклопедической организации. В контексте жанров-заменителей, соответствующих современному мифологическому сознанию, как фрагмент фикционального дискурса может рассматриваться и гороскоп.

своей феноменологичности не определяет особенностей современного общественного и усреднённо-личностного сознания. Тотальная прагматичность современного общественного сознания порождает такую организацию всей культурной инфраструктуры, которая принципиально исключает чувствительность как природное свойство экзистенциальности. На фоне нравственной доктрины XIX–XX веков, ее основного принципа отношения к жизни, который можно определить как терпение и преодоление трудностей, новое время утверждает принцип потребления благ окружающего мира и наслаждения этим процессом.

Современная гуманитарная мысль (философы, семиотики, литературоведы, культурологи – А.-Ж. Греймас, Р. Барт, Ж. Лакан, М. Фуко, Ж. Деррида, М. Риффатер, Р.-А. де Богранд, В.У. Дресслер, Ш. Гривель, Ж. Женетт) создала очень широкую теоретическую парадигму, осмысливающую Личность – Автор – Читателя – Текст – Слово – Культуру в сопряжённых с ними категориях смысла – формы – части – целого – своего – чужого. Метадискурс теоретических парадигматических разветвлений порождает эффект восприятия излагаемых смыслов в модусе их безусловности. Очевидно, это предопределяется, в первую очередь, онтологической универсальной значимостью объекта понимания, смысл которого, с одной стороны, уже вошёл общепринятой ценностью в коллективное сознание. С другой стороны, – воспринимающие возможности Человека подчиняются энкратическим интонациям, интеллектуальным метафорам, терминологии метаязыка. Читательское воображение поражает, завораживает уверенный научный дискурс, строящийся на безусловных утверждениях, организованных в понятийно-классификационные ряды по принципу структурно-системной парадигмы гуманитарного знания². Принцип научной таксономии,

² В этом смысле показательной может быть пятичленная классификация разных типов взаимодействия текстов, предложенная Ж. Женеттом [5]: интертекстуальность как «соприсутствие» в одном тексте двух или более текстов (цитата, аллюзия, плагиат и т.д.);

апробированный научной практикой, создающий иллюзию безусловности и завершённости в осмыслении объекта, снимает феномен незавершённости знания и непознаваемости объекта в его однозначной определённости. Очевидно, в осмыслении дискурсивных практик в культурном пространстве постмодернизма можно использовать принцип антиномического осмысления тенденций, организующих литературный процесс согласно его противоречивой природе.

Эти возможности составляют такой антиномический ряд:

1. Полутермин, полумифологема «смерть автора» (Р. Барт) в антиномическом соответствии с автором нового типа утверждают взаимодействие мыслительной рефлексии и здравого смысла в понимании сущности объекта.

2. Антиномия отчуждения текстовых фрагментов от художественного целого, превращения части в самостоятельное целое и создание индивидуального художественного дискурса, порождающая эффект метафизической ауры текста, в котором взаимодействуют духовные миры разных времен и культур.

3. Антиномия неясных смыслов, извлекаемых из «чужих» текстов, создающих эффект иронии в восприятии культурных словесных фрагментов, и безусловная общечеловеческая установка на сохранение культурных и духовных ценностей.

4. Антиномия умозрачительного отрицания некоторых ценностей и утверждение их только в случае экзистенциального переживания.

Этот ряд оппозиционных сущностей, определяющих словесную культуру постмодернизма в её интертекстуальном проявлении, можно завершить предположением о пантеизированном характере отношений между текстами – «новым» и «старым». «Старый» текст цитируется не только потому, что это нужно

паратекстуальность как отношение текста к своему заглавию, послесловию, эпиграфу и т.д.; метатекстуальность как комментирующая и часто критическая на свой текст; гипертекстуальность как осмеяние и пародирование одним текстом другого; архитекстуальность, понимаемая как жанровая связь текстов.

тому, кто цитирует, но и потому, что это желанно старому тексту. Он требует прожития новой жизни в другом текстовом пространстве другой культуры.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1989.
2. Вайман С.Т. Неевклидова поэтика. Работы разных лет. – М.: Наука, 2001. – 479 с.
3. Гумбольдт В. О духе, присущем человеческому роду // Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 337.
4. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. – М.: РОССПЭН, 2004. – 653 с.
5. Женетт Ж. Фигуры. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 944 с.
6. Ильин И.П. Интертекстуальность // Постмодернизм. Словарь терминов. – М.: Интрада, 2001. – С. 100–105.